ГРАФЪ ДИБИЧЪ НА КАВКАЗѢ

ВЪ 1827 ГОДУ.

13 февраля 1827 г. прибылъ въ Ставрополь начальникъ главнаго штаба его величества генералъ-адъютантъ Дибичъ. На другой день мы получили приказаніе въ 9-ть часовъ утра собраться въ занятую имъ квартиру. Собрались. Въ залѣ по старшинству я сталъ на правомъ флангѣ къ дверямъ его кабинета; первый, подлѣ меня—подполковникъ Кашкаревъ, потомъ казачій полковникъ Луковкинъ, и такъ далѣе. Гражданскіе чиновники, совѣтники, вице-губернаторъ, предсѣдатель правленія и наконецъ самъ областной начальникъ, генералъ Эммануель съ огромнымъ рапортомъ составляли лѣвый флангъ къ кабинету, а всѣ вмѣстѣ образовали обширный кругъ.

Я съ удовольствіемъ ожидалъ появленія бывшаго своего начальника. Генералъ Дибичъ меня зналъ, когда я служилъ въ свитѣ его величества и занималъ должность корпуснаго оберъ-квартирмейстера въ Кіевѣ; онъ пріѣзжалъ туда, не разъ изъявлялъ мнѣ свое благоволеніе за военныя рекогносцировки, за составленіе топографической карты съ статистикою и описаніемъ дорогъ по кіевской и черниговской губерніямъ! Но онъ могъ быть недоволенъ мною за то, что я, изнуренный службою, въ 1819 году вышелъ въ отставку и уже предпочелъ послѣ артиллерію квартирмейстерской части. Будучи въ отставкѣ, я имѣлъ случай встрѣтиться съ генераломъ Дибичемъ въ Курскѣ въ 1822 году во время проѣзда черезъ городъ покойнаго государя.—Генералъ пригласилъ меня опять на службу по квартирмейстерской части, но я рѣшительно сказалъ, что эта служба меня изнурила: отъ безпрерывной работы, ѣзды, черченія и письма у меня два года сряду была нервная горячка, а притомъ содержаніе такъ скудно, что жалованья едва доставало мнѣ на мундиръ,

а потому, если укрѣплюсь здоровьемъ, то охотнѣе опять пойду въ артиллерію, гдѣ я началъ военную службу.—На это онъ отвѣчалъ мнѣ тогда довольно снисходительно: —«Во всякой службѣ много трудовъ. Я самъ началъ службу изъ одного жалованья и продолжаю ее теперь. Если вы не можете служить въ свитѣ, то я не знаю, отчего эта возможность является въ артиллеріи. Впрочемъ, всякій долженъ избирать себѣ службу по своимъ способностямъ». Изъ этихъ словъ я могъ тогда замѣтить, что ему не нравился мой отвѣтъ и теперь, черезъ четыре года, надѣялся увидѣть, по крайней мѣрѣ, благосклонный пріемъ отъ стараго начальника. Но я жестоко ошибся.

Покуда каждый изъ насъ, при всеобщей тишинѣ, предавался собственнымъ мечтаніямъ, черезъ залу проходили въ кабинетъ и выходили назадъ: правитель канцеляріи Дибича г. Ващенко, адъютантъ графъ Кушелевъ и наконецъ деньщикъ, приготовлявшій платье. Вскорѣ потомъ г. Ващенко позвалъ генерала Эммануеля въ кабинетъ. Наконецъ, послѣ переговоровъ за дверьми, увидѣли мы вышедшаго къ намъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ начальника главнаго штаба: малаго роста, плотный человѣкъ, онъ отличался необыкновенно большою головою, которая отъ продолжительнаго пути не была убрана. Физіономія его рѣзко впечатлѣлась въ моей памяти: лицо полное, красное, съ маленькими быстрыми глазами, и тонкія губы съ сатирическою улыбкою.

Онъ весьма холодно спросилъ меня, какъ незнакомаго:—«Здѣсь ли ваша рота»?

— «Здѣсь только четыре орудія, а восемь на Кубани».

Потомъ генералъ, увидя Кошкарева сказалъ, ему что-то на ухо—и тотъ поклонился. Между тѣмъ Эммануель представлялъ ему каждаго чиновника, называя по фамиліи. Онъ съ нѣкоторыми кое-что говорилъ, при чемъ замѣтилъ управляющему коммисаріатскою коммисіею, что здѣшнія сукна очень нехороши, потомъ обратясь, къ Кошкареву, пожалъ ему руку и обѣщалъ какую-то милость.

Всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ приказано было удалиться, а военнымъ остаться, и тогда началась другая церемонія. Стали представляться ординарцы и вѣстовые. Мои артиллеристы, первые рослые молодцы, въ новыхъ мундирахъ—не понравились: не чисто одѣты и худо выправлены. Послѣ того стали представляться армейскіе, въ старыхъ, истертыхъ мундирахъ и съ неровнымъ, трепетнымъ шагомъ. Мы думали тутъ услышать цѣлую бурю, но они не удостоились слова, кромѣ угрозы на бровяхъ. Приказано было явиться учебной командѣ, приготовленной здѣсь для образца въ одеждѣ къ экзерциціи и для новаго шагу.

Въ ожиданіи ея, генералъ Дибичъ спросилъ у Эммануеля: видѣлъ ли онъ упряжь артиллерійскую? Потомъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— «Почему вы, будучи 21 бригады командуете 22 бригадою?»

— «Настоящій командиръ, полковникъ Коцаревъ, сначала командо-

валъ отрядами, потомъ рапортуется больнымъ и меня противъ назначенія удерживаютъ здѣсь четвертый годъ для командованія бригадою».

— «Артиллерія всегда была лучшею частію арміи во всѣхъ отношеніяхъ, а здѣсь я вижу противное»...

— «Послѣ вступленія моего въ командованіе, я стараюсь, сколько могу, довести все до возможнаго совершенства; но прежде этого не могло быть по той причинѣ, что съ давняго времени артиллерія находилась здѣсь безпрерывно въ походахъ за Кубанью и въ Кабардѣ, такъ что некогда было заниматься ни обмундированіемъ людей, ни выправкою».

— «Въ заграничной съ французами кампаніи войска были всегда хорошо одѣты».

— «Тогда впродолженіе мира и перемирія имѣли время приго товиться».

— «Что вы мнѣ говорите!—вскричалъ генералъ.—Въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ годахъ мы все это заслужили»—проведя рукою быстро по орденамъ своимъ,—«а въ пятнадцатомъ году представляли всей Европѣ войска. Вамъ не было времени вычистить мундиры?—Дурно. сударь, дурно! И если вы стали дѣлать отговорки, тѣмъ хуже. Я буду свидѣтельствовать Государю, чтобы васъ отрѣшить отъ командованія».

Я молчалъ и смотрѣлъ въ землю, удивляясь, отчего вдругъ такая выходка противъ одного меня.

Пришла образцовая команда, десять солдатъ съ офицеромъ, вытянутые струночкою и такъ плотно обшитые, что нельзя нигдѣ ущипнуть. Они стали дѣлать ружейные пріемы по новому, безъ команды, только по молчаливому счету. Потомъ стали учебнымъ шагомъ маршировать, вытягивая стрѣлкою ноги, чего у насъ на Кавказѣ еще невидано —и ту залу, гдѣ недавно бѣгали красивыя ножки милыхъ дамъ, топтали съ громкимъ стукомъ солдатскія ножищи.

Послѣ этой репетиціи, которая нѣсколько развеселила начальника штаба, онъ слегка раскланялся со всѣми и отправился съ Эммануелемъ осматривать госпиталь и коммисаріатское депо. Я съ горя поѣхалъ домой обѣдать, но при послѣднемъ блюдѣ посланный отъ Эммануеля ординарецъ, позвалъ меня къ генеральскому обѣду.

Я поѣхалъ и въ залѣ у генерала увидѣлъ столъ, накрытый на двадцать кувертовъ. Это первый обѣдъ, который давалъ Эммануель со времени своего пріѣзда сюда.

Между тѣмъ собрались въ залу всѣ главные чиновники, военные и гражданскіе; въ томъ числѣ два пріѣзжихъ адъютанта. Когда вошелъ генералъ Дибичъ, сѣли за столъ.

Блюдъ было много и хорошо приготовленныхъ; но я, пообѣдавши дома, не имѣлъ запаснаго желудка для втораго, церемоніальнаго обѣда. Сидѣвши на концѣ стола съ дежурнымъ штабъ офицеромъ, какъ на-

рочно противъ Дибича, я заводилъ было рѣчь съ сосѣдомъ, но онъ боялся говорить, также какъ и многіе другіе, а потому мнѣ оставалось только, сидя за столомъ, смотрѣть на всѣхъ и слушать.

Генералъ Дибичъ съ ближайшими къ себѣ заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ: хотѣлъ, чтобы къ мирнымъ народамъ за Кубань послать инженеръ--топографовъ для съемки ихъ страны. Никто не представлялъ ему о невозможности такого предпріятія. Онъ говорилъ Эммануелю, что его 22-я дивизія останется на кавказской линіи въ непремѣнныхъ квартирахъ, а 21-я дивизія расположится на границѣ Персіи и Турціи, отъ Имеретіи по Эриванской области и до Шуши. «Если зашалятъ турки,—говорилъ онъ генералу,--то вы пойдете къ Анапу, возьмете его и соединитесь далѣе съ войсками изъ Грузіи!» —Довольный этимъ, Эммануель отвѣчалъ, что по извѣстію, имъ полученному, шапсуги поссорились съ анапскимъ пашею за то, что онъ нѣкоторыхъ князей и старшинъ выбилъ по пятамъ палками и приказалъ имъ съ наложенною на нихъ податью явиться къ себѣ въ опредѣленный срокъ. Они явились въ числѣ шестисотъ человѣкъ и прогнали въ крѣпость турецкій гарнизонъ, высланный къ нимъ навстрѣчу; потомъ прислали депутатовъ въ Черноморію къ генералу Сысоеву съ предложеніемъ, что они желаютъ перейдти подъ покровительство Россіи.—По этому, и другимъ обстоятельствамъ, присутствующіе за столомъ заключили, что недалеко война съ Турками.

Наконецъ Дибичъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:—«Бываетъ ли у васъ практическое ученье?»

—«Всегда!»—отвѣчалъ я, разумѣя дѣйствительную практику противъ черкесовъ,—«потому что часто случается дѣйствовать по непріятелямъ, и черкесы столько уважаютъ нашу артиллерію, что не осмѣливаются даже по три и по четыре человѣка съѣзжаться вмѣстѣ па извѣстномъ разстояніи»....

—«Можетъ быть потому, что они боятся, а не потому, чтобы цѣльно стрѣляли»....

—«Они потому и боятся, что цѣльно въ нихъ стрѣляютъ изъ пушекъ; о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ бывшіе за Кубанью.»

—«Начальство объ этомъ лучше знаетъ!»—сказалъ онъ, покраснѣвъ и засверкавъ глазами. Потомъ спросилъ у Эммануеля: можно ли видѣть артиллерію? и приказалъ, чтобы къ завграшнему отъѣзду его приготовить два орудія и мишень для удостовѣренія въ цѣльной стрѣльбѣ. Глазами онъ, казалось, говорилъ мнѣ:

—«Я тебя доканаю!»—но я спокойно и съ поклономъ отвѣчалъ. «Все будетъ приготовлено.»

Послѣ обѣда генералъ Дибичъ взялъ чашку съ кофе, сталъ со всѣми по порядку говорить о разныхъ предметахъ, и, проходя мимо меня сказалъ:—«подполковникъ! генералъ свидѣтельствуетъ о вашемъ усердіи; я надѣюсь, что у васъ все будетъ исправно.»

Мое честолюбіе было затронуто, во мнѣ не было терпѣнія промолчать и я имѣлъ дурачество сказать ему: — Ваше превосходительство меня знаете, я служилъ подъ вашимъ начальствомъ, всегда старался быть достойнымъ вниманія моихъ начальниковъ, всегда служилъ съ усердіемъ и мой долгъ—не измѣнять чести нигдѣ.

Это опять его вспылило; онъ отвѣчалъ:—«И я съ честію служу двадцать пять лѣтъ государю; привыкъ всегда быть одинаковымъ противъ непріятеля подъ картечью и въ учебномъ шагѣ. Такъ должно каждому служить. Я люблю тѣхъ, кто исполняетъ свой долгъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Такъ я привыкъ говорить, какъ солдатъ и какъ фельдмаршалъ!....»

Къ чему все это? думалъ я. Видно что-нибудь тутъ скрывается для меня непонятное, но, не зная никакой вины за собою, я спокойно выдерживалъ бурю. Замѣчательнѣе всего въ отвѣтѣ его было то, что онъ уже тогда почтилъ себя фельдмаршаломъ!

Дибичъ уѣхалъ на другой день, не сдѣлавъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, смотра приготовленнымъ орудіямъ и стрѣльбѣ въ мишень.

Послѣ его отъѣзда генералъ Эммануель сказалъ мнѣ съ свойственнымъ ему добродушіемъ: «Зачѣмъ вы такъ много говорите? Это первая особа при государѣ. Онъ можетъ васъ сдѣлать несчастнымъ».

— «Меня вызывали къ этому, а я люблю говорить правду и не думаю, чтобы за правду сдѣлали меня несчастнымъ. Точно, я ему говорилъ смѣло, какъ человѣку умному, который хочетъ все знать; только не ожидалъ, чтобы онъ такъ горячо принялъ меня».

— «Знаю, что вы невиноваты, не успѣли еще всего сдѣлать, и надо бы сказать: будемъ стараться! а не говорить о походахъ и о прежней службѣ. Это лишнее. У насъ самихъ еще все неисправно: и городъ худой, и госпиталь не хорошъ; но мы—будемъ стараться, вотъ и только. Теперь приготовьте свои пушки и покажитесь еще разъ ему на возвратномъ пути».

Я благодарилъ почтеннаго генерала за совѣтъ и ушелъ домой съ грустью и досадою.

На другой день рано по утру генералъ Дибичъ уѣхалъ въ Тифлисъ, а я въ Палагеяду, гдѣ распорядился о приготовленіи двухъ пушекъ для смотра и стрѣльбы въ мишень.

Предсѣдатель Юзефовичъ по знакомству своему съ правителемъ дѣлъ начальника главнаго штаба, узналъ, что онъ отправился въ Тифлисъ сдѣлать большія перемѣны: опредѣлить планъ кампаніи противъ персіянъ, чтобы авангардомъ командовалъ генералъ Бенкендорфъ, а всѣми войсками генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Ермолову будетъ предложено заняться гражданскою частію, или вовсе удалиться. Дибичъ намѣренъ также изслѣдовать о недостаткѣ продовольствія въ арміи и о причинѣ большой смертности, которой подвергнулись пришедшія вновь войска Это была для насъ роковая комета переворотовъ.

Дѣйствительно, не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ грозныя послѣдствія прибытія генерала Дибича въ Грузіи обнаружились.

Апрѣля 5-го мы получили печальное извѣстіе, что главнокомандующій генералъ Ермоловъ смѣненъ. Онъ самъ далъ знать объ этомъ въ приказѣ по войскамъ 29 марта весьма коротко: что воля государя императора черезъ начальника главнаго штаба ему объявлена, чтобы онъ сдалъ командованіе всѣхъ войскъ и здѣшняго края генералъ-адъютанту Паскевичу и самъ уѣхалъ въ Россію.

Трогательно было прощаніе войскъ съ любимымъ генераломъ. Когда послѣ молебствія въ Тифлисѣ марта 29 полки стали выходить изъ города въ походъ на персидскую границу и генералъ Ермоловъ въ послѣдній разъ съ сокрушеннымъ сердцемъ провожалъ ихъ, многіе солдаты его корпуса, особенно ширванцы, кричали: — «Отецъ! Съ кѣмъ идемъ?» — «Со мной ребята! Я съ вами буду дѣлить труды и славу неразлучно,—говорилъ онъ.—«Съ тобой рады умереть!» Еще до этого Ермоловъ имѣлъ разныя встрѣчи съ солдатами, которые, догадываясь о его удаленіи, говорили ему почти такими словами: — Зачѣмъ ты насъ оставляешь? Мы привыкли съ тобою томиться подъ зноемъ, дрожать на холодѣ, съ тобою сносить голодъ и жажду, съ тобою летать орлами въ неприступныхъ ущельяхъ горъ, съ тобою презирать смерть и стяжать славу! Одно имя твое замѣняло тысячу насъ и покоряло непокорныхъ. Ты былъ намъ товарищъ, другъ, отецъ! Въ десять лѣтъ голова твоя побѣлѣла отъ заботъ, лицо омрачилось думою... Ты идешь отъ насъ, когда присутствіе твое намъ необходимо! — Прощаясь съ офицерами, Ермоловъ сказалъ со слезами на глазахъ:—«Да, братцы! жаль мнѣ, что я не вашъ!» При такомъ одушевленіи войскъ, Ермолову стоило только сдѣлать одинъ шагъ въ Персію, чтобы стать въ исторіи наряду съ Суворовымъ и Румянцевымъ. Но онъ плелъ лавры не для себя!

Должно признаться однако, что Алексѣй Петровичъ не имѣлъ людей, которые столь же безкорыстно, какъ онъ, раздѣляли бы съ нимъ труды многосложнаго управленія Кавказскимъ краемъ. Онъ не могъ самъ вездѣ успѣвать и все знать, а потому долженъ былъ иногда, по необходимости, терпѣть чиновниковъ, у которыхъ совѣсть была съ грѣхомъ пополамъ.

Какъ бы то ни было, еще ни одна перемѣна корпуснаго командира на Кавказѣ не сдѣлала такого сильнаго потрясенія въ умахъ друзей и враговъ его, какъ Ермолова. Друзьями его были всѣ честные, правдивые, трудящіеся и безкорыстные люди, а врагами были люди съ нечистою совѣстью. Въ обращеніи его не было обыкновенной середины; онъ первыхъ любилъ по-братски, а вторыхъ гналъ, какъ враговъ отечества; многіе изъ послѣднихъ умѣли прикидываться первыми и могли обманывать его.

Мая 4-го генералъ Дибичъ, возвращаясь въ Петербургъ, прибылъ снова въ Ставрополь почти неожиданно въ полдень, такъ что къ нему стали

собираться для нредставленія по одиночкѣ. Я пріѣхалъ въ то время, какъ онъ пилъ кофе. Лицо его было красное, загорѣлое и подъ правымъ глазомъ синета, видно отъ ушиба. Онъ пріѣхалъ на казачьей лошади верхомъ, потому что коляска на курьерскихъ пристала въ дорогѣ. При немъ вродѣ адъютанта находился какой-то горбатый офицеръ (Чевкинъ). Около него стояли въ почтительномъ молчаніи генералы: Эммануель, Турчаниновъ, Антроповъ, Сысоевъ, Розенъ. Дибичъ былъ въ дорожномъ сюртукѣ. При входѣ моемъ онъ кинулъ на меня косвенный взглядъ; въ его лицѣ я видѣлъ спокойствіе, вѣроятно отъ удовлетворенія тайнаго желанія. Онъ ни съ кѣмъ не заводилъ пылкой рѣчи, скоро откланялся генераламъ, пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ принести себѣ карту расположенія войскъ на кавказской линіи. Тамъ составилъ онъ новое размѣщеніе для пришедшихъ изъ Крыма третьихъ баталіоновъ 20-й дивизіи, которымъ назначилъ идти черезъ Георгіевскъ въ Кабарду, а женатыя роты оставлялъ на линіи въ прежнихъ мѣстахъ. Впродолженіе его кабинетныхъ занятій я уѣхалъ домой, чтобы снова не имѣть съ нимъ несчастной встрѣчи; но маіоръ Повало-Швейковскій сказывалъ мнѣ, что на этотъ разъ Дибичъ былъ доволенъ моими ординарцами, при чемъ говорилъ, что въ кавказскомъ корпусѣ отмѣнятся кивера и будутъ впредь мѣховыя шапки, наподобіе грузинскихъ,—вѣроятно, по предположенію Ермолова.

Управляющій ставропольской комисаріатской коммисіи не исполнилъ какого-то предписанія генерала Эммануеля, сдѣланнаго по волѣ Дибича, отзываясь, что онъ отъ своего начальства не получалъ на то разрѣшенія. Тогда Дибичъ сказалъ ему:—«Такъ у васъ здѣсь нѣтъ начальства? Вы меня не почитаете за начальника? Такъ вы не знаете, что послѣ государя я первый вашъ начальникъ? Скорѣе я прощу незнаніе дисциплины прапорщику, нежели полковнику, и это вамъ покажу!» вскорѣ послѣ того, несчастный управляющій былъ отрѣшенъ, посаженъ въ Владикавказскую крѣпость и преданъ суду.

Это была послѣдняя вспышка генерала Дибича на Кавказѣ.